

С кем умом поделиться / повесть

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 22 января, 2025

С кем умом поделиться / повесть

С КЕМ УМОМ ПОДЕЛИТЬСЯ?!

■ Монологи трех дорожников

Рассказывает Баки:

— Как посигналит машина, что за нами приезжает, Мерданчик — это сынишка мой трехлетний — обязательно проснется. Встанет и проводит меня. Когда подхожу к машине, оглянусь — он на крыльце стоит, ручкой мне машет. А жена теперь не выходит. Соседок опасается. Языки у наших соседок километровые. Поначалу как-то пару раз вышла меня проводить на работу, так они потом такое расска-зывали!.. Мол, вся в слезах, словно муж на войну уходит. Честное слово! Им только повод дай, они из Мухы слона сделают.

Все, трогаемся. В этот момент — я точно знаю — соседи незаметно наблюдают. Чуть человек выделится они себе от зависти уже места не находят. Когда выезжаем приходится обогнать двух-трех соседей, которые тоже на работу направляются. Так чем ближе к ним наша машина, тем ниже они головы опускают. Это они нарочно делают вид, что меня не видят. Ниже своего достоинства считают первыми поздороваться с соседом, который моложе их. Я не такой. Как поравняемся, обязательно крикну: «Салам аллейкум, сосед!», а это уж их дело — отвечать или не отвечать. Как Шаназар-ага говорит, не ответить на приветствие — это самое подлое дело. И вот сосед, чуть кивнет, словно его к этому суд приговорил, как говорится, под тяжестью неопро-вержимых улик. А у самих вид, будто они в этот момент мировые проблемы обдумывают. Эх, бедолаги!

А шоферу нашему, Аману, на все эти тонкости наплевать. Ему под

пятьдесят, и он такой толстый, что его даже Пузаном прозвали. Щеки висят, под подбородком десять складок, а когда смеется, кажется, что сейчас все пуговицы с рубашки отскочат, так его жир сотрясается. Он, знай себе, какую-то итальянскую песенку мурлычит, хотя, голову могу на отсечение дать, и понятия не имеет, о чем она. И машину он всегда напротив дома Токара останавливает.

Я его тысячу раз просил:

– Останавливайся возле дома Шаназара-аги. Он пожилой человек, а Токар по сравнению с ним – мальчишка. Что с того, что он бригадир? Ничего с ним не сделается от того, что пару лишних шагов пройдет.

Когда Аман-Пузан это слышит, он даже вздрагивает, словно я сообщил ему что-то ужасное. Некоторое время смотрит на меня, удивленно вытаращив глаза, а потом скажет:

– Что ты за человек? Все разыгрываешь меня? Или у тебя на плечах не голова, а футбольный мяч. Запомни, дорогой, с такими понятиями ты никогда карьеры не сделаешь. Потом скажешь – дядя Аман мне верно говорил, да уже поздно будет.

Казалось бы, Токар сам должен Пузану сказать, мол, останавливайся возле дома Шаназара – окажем старику уважение. Но от него этого не дождешься. Он из тех, что не возраст, а должности уважают.

Когда Токар из дома выходит, он в отличие от меня по сторонам не смотрит. Неспеша запирает ворота на все три замка. Когда кто-нибудь из соседей скажет ему «Салам, Токар-джан!», он в ответ только степенно головой кивнет, и снова с замками возится.

А Шаназар-ага такой заботы не знает. У него-то и ворот нет, не то, что замков. Все настежь. Даже входная дверь без запора. По старинке живет. Бехбит каждый раз над ним подшучивает: «Отстаешь от нашей замечательной эпохи, Шаназар-ага. Прошло то проклятое время, когда мы жили без замков. Теперь наступила замковая эра. Не то, что у нас в райцентре, даже в самых глухих селениях народ понял роль и значение замков в жизни современного общества!..» А Шаназар-ага ворчит: «Э-э, на все замки понавешали. Завтра уже и замки охранять придется.»

Наш Шаназар-ага уже пенсионер. Невысокого росточка, с орлиным носом. Дома ему не сидится, работает вместе с нами. «А что, – говорит, – мне дома делать? Старики теперь не те, что прежде. Нет, чтоб выйти из дому, на солнышке посидеть, поговорить с другими стариками. У каждого тысяча забот. Люди теперь друг в дружке не нуждаются. Каждый сам для себя живет. Уж лучше я с вами работать буду, чем в поселке от скуки умирать!» Так вот Шаназар-ага не то, что Токар, ждать себя не заставляет, как услышит сигнал, сразу бежит, и всегда у него наготове какая-нибудь история.

– Оказывается, черт побери, когда человек стареет, у него и сны какими-то особенными становятся. Нынешней ночью сон видел, обереги Аллах от такого. Вот спроси, спроси, что мне приснилось!.. Значит так. Лечу я куда-то в дальние края. Нарядный, в костюме. И вдруг, черт побери, вывалился из самолета вниз головой. Лечу, ветер в ушах свистит. И вокруг ничего, за что ухватиться можно. Земля уже близко, черт побери! Все, конец, думаю. И тут что-то мне под руку попало. Вцепился я, что было сил. И вдруг страшный крик. Проснулся я, а это, черт побери, старуха моя кричит и свою косу из моей руки вырвать хочет. Вот так тетушка Хесель меня сегодня спасла, подроспела на помощь в трудную минуту. Это я к тому, сынок, что жен обижать нельзя. Они нам, черт побери, не только на яву, но и во сне поддержка.

Раз сегодня Шаназар-ага с утра рассказал о своем сне, значит мы целый день будем говорить о снах. Кому что снилось и как сны толковать, и что сбывается, а что не сбывается. И так всегда. Если бы садясь в машину он рассказал, к примеру, о своей корове, как она отвязалась, так, уж поверьте, целый день все бы только о коровах и говорили. Как привязывать их надо и что делать, если корова все-таки отвязалась. Тут я вам вот что могу посоветовать: если к вам приближается отвязавшаяся корова, берите ноги в руки и быстрее улепетывайте, потому что, знайте, она вас не молоком угощать идет. Словом, Шаназар-ага нам закваску на целый день делает, а от чего так – этого я не знаю.

– Ясное дело, – продолжает между тем Шаназар-ага, – что после

такого кошмара, и мне, и тетушке Хесель спать расхотелось. Вскипятили чайку и до самого вашего приезда вспоминали молодые годы. Тут я, можно сказать, обмишурился. Совсем, черт побери, не могу себя контролировать. Увлёкся и рассказал ей такое, о чем мужу при жене лучше не болтать. Ладно, теперь, черт побери, что таиться!.. Одним словом, мы тогда в Новороссийске стояли. Вот я, черт побери, и познакомился там с одной молодой. Марусей звали. Ядреная такая баба. Одинокая. Я в те годы тоже ничего был – старшина Аннаев. Ну и завязалось. Тут, конечно, моя тетушка Хесель в слезы. Но дело не в этом...

Однако дослушать историю не удалось. Токар наконец-то справился с замками, и, стуча каблуками своих брезентовых сапог, направился к машине. У него не только сапоги, но и китель, как у башлыков. Вид у него, что и говорить, солидный. Идет неспеша, голову опустил, думает о чем-то, или вид делает, что думает. Только у машины голову и поднял. А тут Шаназар-ага как раз представлял нам развернутую картину второй мировой войны: в одной руке – граната, в другой – автомат... Токар негромко кашлянул, поприветствовал Шаназара-агу, сказал, что пора ехать.

Шаназар-ага несколько мгновений удивленно смотрел на Токара, видимо, не в силах сразу сообразить, каким это образом тот оказался рядом с ним на передовой, потом кивнул бригадиру, а мне передал «начальскую сумку». В ней – продукты для нашего обеда. Каждый раз, протягивая ее мне, Шаназар-ага напоминает: «Держи крепче, браток. Ни о чем другом, кроме этой сумки, не думай!». После этого он начинает забираться в кузов. Он не любит, если ему руку протягивают, чтобы помочь. «Что это за высота? – говорит. – Мы, черт побери, и не такие высоты брали!». Я жду, пока он вскарабкается. Чтобы ни говорил Шаназар-ага, но штурм грузовика дается ему с трудом. Он и сам это признает.

– Черт побери, – бормочет он, с трудом переводя дыхание, – Перекоп брать и то, наверное, легче было. Натерпелся страху, думал уже – не залезу. Уж очень высокие борта. Надо пару досок снять...

Есть люди, которые не любят за руку здороваться. Шаназар-ага

не такой. Он обязательно руку мне пожмет. Сожмет, словно клещами, и тряхнет пару раз.

– Как дела, братишка? Как Мердан-джан, растет? – ласковым голосом спрашивает он, глядя тебе в лицо. Среди морщин его глаза точно звездочки сияют, и ничто от них, должен вам сказать, не укроется. Тотчас увидит, если буря у тебя в голове. А если узнает что не так, тотчас начнет по крыше кабины барабанить.

– Ну, что, мир перевернулся? – хмуря брови, скажет Токар, высунув голову из кабины.

И тотчас Шаназар-ага на него обрушится:

– Какой, черт побери, ты руководитель, братишка?! Если хочешь быть настоящим руководителем, обязан знать, что на сердце у твоих работников, какие заботы их гнетут, чего им не хватает... А если это тебя не интересует, так отдай свою должность тому, кто справится!

Шаназар-ага говорит все это совершенно серьезно, потому Токар знает, что перечить ему нельзя. Вылезет из кабины, пойдет узнавать, что стряслось.

В позапрошлом году был один случай.

Зима, холодрыга, а в доме у меня ни дров, ни угля. Сказал я об этом, Шаназару-аге. Он так начал тарахтеть по кабине, что Аман-пузан чуть не оглох. Одним словом, заехали мы за остальными нашими и прямиком на топбазу. Если рядом с ним Бехбит, наш Шаназар-ага никому спуску не даст, потому у Бехбита язык классно подвешен. Он за словом в карман не полезет. И конституцию и уголовный кодекс, что твой прокурор, знает. Как скажет: «Согласно статье такой-то...», так начальник, который до этого на тебя и смотреть не хотел, сразу поникнет, точно из него пар выпустили. Он все готов сделать, лишь побыстрее от тебя избавиться. Да, тому, кто законы знает, все двери открыты, а нам, бедолагам, свои дела приходится решать мольбами да взятками.

Словом, в тот день мы уголь привезли и потом в спокойной обстановке у нас пообедали. За это, правда, Шаназар-ага и Токар после по выговору получили. Старику на собрании сказали, что, хоть дело и благое, но нельзя его делать в служебное

время, используя государственную машину. Конечно, был бы рядом с ним Бехбит, Шаназар-ага объяснил бы что к чему. А так испортили ему на две недели настроение.

А если у него испорчено настроение или что-то его раздражает, то у Шаназара-аги начинается мигрень. И пока он как следует не пропотеет, голова у него так и раскалывается. В те дни то и дело для него чай готовить приходилось. Но сколько он чая ни пил, Бехбиту все равно доставалось: «Когда надо, тебя вечно не сыскать. А как увидели, что тебя нет, так и обрушились все на нас».

Бехбиту под сорок, а он уже весь седой. Один глаз у него косит. И ростом он не вышел. С виду он неказист, но он наш главный законник. Живет он в самом городе, а работает с нами в районе. Курбан и Стил (на самом деле его зовут Атаджан, просто прозвище ему такое Курбан придумал) – тоже городские. Они выходят на остановку рядом с универмагом, и мы их всех забираем.

Еще один наш работник с нами на грузовике не ездит. На своей машине добирается. Но Тойджан Деркарович – его так даже Токар величает – если один день на работу приедет, так потом три дня болеет. Словом, как прежде получал он зарплату ни за что, так и теперь ее получает. А за таких, как он, вечно нам, простым работягам, отдуваться приходится. Посмотришь на него – солидный человек. Рассудительный. Мозгами привык работать – на голове ни одного волоска не осталось. Все говорит правильно – не придерешься. Одним словом, начальник. Еще и году у нас не проработал, а уже меня учит, как надо асфальт ложить! Он вам объяснит и как детей воспитывать, и как жену в руках держать. Лопатой махать Тойджана нашего не заставишь, а вот языком болтать – только дай ему волю.

Работа у нас, дорожников, такая, что чуть ли не через день без дела сидеть приходится. А что делать, если асфальта нет. Это – ладно, плохо, что приходится тойджановские поучения при этом выслушивать. Когда Бехбит устает от его лекций, он начинает приставать к Токару: «Почему не везут асфальт?». Токар начинает кивать на начальство, особенно от него Байраму достается. Но однажды, как раз когда он его хаял, к нам Байрам

приехал. Бехбит все, что от Токара услышал, ему и выложил. После этого Токар с нами начальство не обсуждает. Он, вообще, не любит, чтобы мы на глаза начальству попадались. С одной стороны это даже хорошо: надо в отпуск – только заявление напиши, все остальное Токар сам сделает, даже отпускные тебе домой привезет, лишь бы ты в контору не ходил.

Но известно ведь, что только туда и хочется попасть, куда тебя не пускают. Как-то закончили мы работу пораньше и отправились в РСУ. Пришли и сразу наткнулись на зама, Алты Ораевича.

– Вам что здесь надо? – спрашивает.

– Да просто так, – говорим, – работу пораньше закончили и решили заглянуть в контору.

– Без дела болтаться тут нечего. Берите лопаты и вскопайте бaskеты.

Земля там, точно твой камень. Лопату хочешь вонзить – так она аж звенит. Но перед начальством особенно не поволянишь. В общем, похоть пришлось – будь здоров. Хуже всего Стилю пришлось. Он-то лопатой махать не привык – знай себе на катке катается. Тут, бедняга, побледнел весь, пот с него градом.

– Говорил вам, не надо идти в котору, – бурчит, – нет не послушались. Машину не могли спокойно дожидаться! Медом здесь для вас намазано? Получили. Но я-то за что страдать должен. А во всем Курбан виноват – ему сюда больше всего хотелось. Завтра тоже приходи, и послезавтра, только меня уж, пожалуйста, не зови, я лучше чаек на чистом воздухе попью...

Ладно. Только закончили мы бaskеты перекапывать – Алты Ореевич тут как тут.

– Вставайте, ребята, вставайте, что вы расселись. Не устаете целыми днями сидеть? Это хорошо, что вы здесь. Идите в контору, сейчас собрание начнется.

О-хо-хо!.. Три часа говорильни. Не позавидуешь тем, кто в конторе работает. Нет, я теперь свою ненаглядную лопату на их калькуляторы ввек не променяю. Домой добрались часов в одиннадцать. Теперь мы туда ни ногой. Даже издали смотреть на контору не хочется. Бехбит, правда, исключение.

Он нам не чета. Два года назад был нашим бригадиром. Тогда у нас простоев почти не было. Не то, что теперь. Теперь только и

слышишь: «Эх, вы, нахлебники. Когда вас ни увидишь – лежите, чай пьете!».

Бехбит, когда был бригадиром, то асфальт у начальства требовал, то гравий, то еще что. Ну, ясное дело, если ты такой надоедливый, то начальство постарается от тебя поскорей избавиться. Так и случилось. Нашли какой-то повод, и Бехбит теперь рядовой дорожник, как и все мы. Но для нас он все равно бригадир. Это он показывает шоферам, где выгружать гравий, асфальт. Токар в такие дела не вмешивается. Ему вообще, больше нравится в конторе сидеть. Он у нас за снабженца.

А у Бехбита странный характер: он – законник, его медом не корми, дай с начальством поспорить. Если ему что-то покажется подозрительным, так он не успокоится, пока не докопается до истины. Как-то мы почти полтора месяца не работали, и вдруг за время этих простоев нам начисляют премию. Так Бехбит, представляете, два дня ходил в контору по всем кабинетом, пока Байрам – начальник наш – не распорядился провести ревизию. После нее Алты Ореевича и Токара чуть с работы не выгнали. После этого Токар чуть не сбесился. Завалил нас работой – машины шли одна за другой. Пришлось нам, конечно, помучаться, но старались этого Токару не показать. Один Стил то и дело вздыхал: «От твоего правдоискательства нам только вред» – и так на Бехбита смотрит, что другой бы от одних этих взглядов сквозь землю провалился. А Бехбит – ничего, знай растолковывает всем, что все-таки случилось.

Курбан как-то не выдержал:

– Ты, – говорит, – своим занудством жену сделал сердечницей – нас хоть в покое оставь.

Обидно, конечно, но правда в этом есть. Все хорошо в меру, а если на каждом шагу о законах талдычить – это, честно говоря, даже раздражает.

На свое сорокалетие Бехбит нас к себе домой пригласил. Так это, скажу я вам, не дом, а настоящий музей, такой там порядок. Все – на своем месте, а ведь у Бехбита шестеро детей. Мой Мерданчик один каждый божий день все в доме вверх ногами переворачивает, ни черта найти невозможно. А у Бехбита не дети, а экскурсоводы какие-то. Вроде тех старушек, что в музее

сидят и предупреждают, что экспонаты руками трогать не полагается. Дети, а не шумят, не смеются и говорят как-то повзрослому. Стель сказал им что-то в шутку, так они к нему пристали – мол, почему вы так говорите?

Стель уж и извинился, бедняга, перед ними, а они знай себе твердят: «Так говорить нельзя!». Стель умоляюще смотрит на Шаназара-агу в надежде, что наш ветеран спасет его от юных бехбитовцев. Но Шаназар-ага ничего вокруг не видит и не слышит – тост произносит:

– Вот уже столько лет, черт побери, вместе работаем, а до сих пор друг у друга в гостях не были. Это не годится, ребята. Давайте чаще друг у дружки бывать.

Стель изменил тактику, сделал вид, что очень внимательно тост слушает и хочет, чтобы ему не мешали.

А дети за рукав его тянут и, знай, свое: «Почему вы так сказали, дядя?». Мало того. Они еще Бехбиту его слова пересказали. Так он на три часа лекцию завел о том, что можно детям говорить, а что – нет. Все уж забыли, для чего собрались.

И на следующий день Бехбит снова стал о воспитании детей рассуждать.

Стель не выдержал и говорит:

– Все, хватит!.. Больше меня ни на свадьбу, ни на поминки не зовите. Не надо!..

– Как это не надо? – удивился Шаназар-ага. – Обязательно надо друг к другу ходить, за одним столом сидеть...

Тут Стель как заорет:

– Что вы, ей-богу, к каждому моему слову цепляетесь!

А что он тогда детям сказал, я сейчас, хоть убей, вспомнить не могу.

Стилю тоже уже за сорок, но такое при первом знакомстве вам даже в голову не придет. Стройный, лицо приветливое, живой взгляд, усики маленькие, но они его даже молодят. Он, между прочим, был женат аж четыре раза. Первый раз женился, когда служил в Калининграде. Жена у него украинка была. Пять лет вместе прожили, и было у них двое сыновей. Со второй женой он жил три года. Там у него один сын. Дольше всего он со своей

третьей женой жил. У нее от него – три дочери и пять сыновей. Им три раза на двойни везло. Но и с ней Стель разошелся. А с четвертой женой он прожил всего сорок три дня, после чего та его выгнала, как Стель объясняет, – из-за того, что слишком много алиментов платит. Вот тогда он к нам и пришел. А до нас, где он только не работал, – трудовая в три пальца толщиной!

Пока мы работаем, Стель отдыхает. Вот когда мы асфальт разровняем, наступает его очередь. Разъезжает на катке своем взад-вперед среди гари и чада, ну, словно в тумане.

Каток у нас старенький, но, когда Стель пришел, он преобразился. Все, где можно, он фотографиями красоток обклеил и видами разных городов. Баранку обшил бархатом с бахромой. Над сидением соорудил полог из белой парусины, а по краю – помпончики. И в кабине грейдера (а Стель и на грейдере работает) тоже все в картинках. И все девушки. Красивые, цветные. Иногда я и сам ими люблюсь. Между прочим, ничего зазорного в этом нет.

Когда Стель приступает к работе, для Курбана это – настоящий праздник.

– Не уставай, сокол! – кричит он, – А мы пока чайку попьем. Если хочешь, присоединяйся! – и громко смеется, довольный своей шуткой. Но Стель только прибавляет газу и делает вид, что его не слышит.

Сейчас мы прокладываем дорогу к колхозу «Социализм». И за неделю, что здесь работаем, узнали уже немало интересного. Из пяти участков, на которые поделен колхоз, три называют «огуречными». Там в каждом дворе выращивают под пленкой огурцы. Сажают среди зимы, а в мае уже собирают урожай и везут продавать в дальние города. Стель двоих таких «огуречников» видел аж в Калининграде. И охота людям платить бешеные деньги за эти азотные огурцы?!

Колхоз план по хлопку из года в год не выполняет. И как он может его выполнить, если почти все азотные удобрения, что поступают в колхоз, оседают на мелеках* огуречников. На все азота не напасешься!..

На этих трех участках в каждом дворе есть машина, а то и две. Даже мальчишки раскатывают на «Жигулях». Шаназар-ага на это

спокойно смотреть не может.

Как-то он остановил одну машину. За рулем – мальчишка, сопляк. Шаназар-ага спрашивает, в каком он классе учится. В пятом! В каком, каком? – переспрашивает Шаназар-ага, не веря собственным ушам. А мальчишка не поймет, чего от него этот старик добивается, кривится недовольно. Он небось зазорным для себя считает с такими как мы разговаривать. Дурак, что с него возьмешь!

– Как ты думаешь, неужели из него хороший человек вырастет? – говорит разгневанный Шаназар-ага Курбану, вместе в котором гравий раскидывал.

– Откуда я знаю, Шаназар-ага.

– Не знаю, не знаю... Можно подумать, что, я у тебя, черт побери, таблицу умножения спрашиваю?!. – Шаназар-ага очень расстроился, что Курбан его не поддержал, даже лопату свою бросил и пошел к Бехбиту.

– А что я могу поделаться, Шаназар-ага? – отвечает Бехбит даже не оторвавшись от работы.

Шаназар-ага глаза выпучил от удивления. Чуть не выругался, но сдержался и пошел обратно. Схватил свою лопату и стал так шуровать, что пыль столбом. Кидаёт гравий и о чем-то сам с собой разговаривает. Но это ему скоро надоело. Он опять лопату бросил и говорит:

– Ну, что вы за люди?!

– Хотите сказать, что мы – плохие люди? – обиделся Курбан. – Уж не потому ли мы плохи, что трудимся в поте лица? Вы уж прямо говорите!

– Я не о тебе говорю, а о тех, кто соплякам машины даёт.

– Вот так и говорите.

– Я и говорю! На что мы, черт побери, надеемся, детей своих балуя?! Разве не ясно выражаюсь? Баки, эй, Баки, завари-ка чай! Снова мегрень разыгралась. Пока чайку не попью, эта зараза идохнуть мне не даст.

– Смотри, Баки, Токар Назарович говорил, чтобы на обочине чай не пили – начальство ругается, – кричит мне Силь. – Как бы кто не увидел...

– Пусть видят. – вмешивается в разговор Бехбит. – Покажите

мне, где сказано, что на обочине нельзя кипятить воду для чая. Разжигай костер, Баки! Если кто придет, я сам ему отвечу.

Заварил я крепкий чай, принес Шаназару-аге. А он сидит, голову себе кушаком перетянул. Стал он чай пить, торопливо, прямо пиалушку за пиалушкой. Это он так делает, чтобы пропотеть. Как вспотел, так мигрень его и отпустит. И точно. Три-четыре пиалы выпил, испарина на лбу выступила и, я смотрю, немного ему полегчало: глубокие морщины на лбу чуть разгладились и настроение, похоже, немного смягчилось.

– Ну, и силен же этот чай! Вот, что я тебе скажу: чай да жена – они всегда выручат, – улыбаясь, сказал Шаназар-ага.

А когда он говорит «вот, что я тебе скажу», это означает, что он приглашает поддержать разговор. Только что я могу ему сказать. Отойти, конечно, неудобно – стою и молчу. Тогда Шаназар-ага попытался прийти мне на помощь.

– Спасибо тебе, Баки, твой чай спас меня от этой чертовой мигрени.

Но опять же мне сказать нечего. Кивнул, мол, благодарю за доброе слово. Тут Шаназар-ага взорвался.

– Что ты киваешь, словно на собрание пришел. Язык проглотил? – сказал раздосадованный старик и продолжил, глядя на работавшего в стороне Курбана. – У каждого времени, черт побери, свои болезни. Прежде страдали мы от тифа и малярии – цветущие джигиты от них буквально на глазах никли. Проказа, черт побери, за людьми охотилась. Трахома глаза разъедала. А сейчас – верно Керим-шахир¹ говорит! –

автомобильная болезнь народ косит. Сама смерть на дороги вышла. Сколько людей из-за проклятых машин гибнет?! И этого мальчишку ничего хорошего не ждет. Потом поздно будет слезы проливать. Сожалениями еще никого с того света не вернули...

Подошел Баки. Тщательно протер свою пиалу и попросил:

– Плесни-ка, Баки, и мне чайку. Как себя чувствуете, Шаназар-ага?

– Отпустило.

– Минувшей ночью приснился мне, Шаназар-ага, мальчишка, что возле шлюзов живет. Будто говорит он нам: «Попейте чаю у нас

дома. Что вы у дороги сидите?». А когда мы пришли к нему домой, мать на мальчишку налетела: «Зачем, – говорит, – привел этих проходимцев?!». Мальчишка вцепился ей в подол и просит, обливаясь слезами: «Пусти их, мама! У них дома нет. Они нищие.» А потом и вы, Шаназар-ага, умолять ее стали: «Ради сына своего, налей нам, милая, по пиалушке чая»...

– Вот такая жизнь чертова! – перебил его Шаназар-ага. – Что наяву, что во сне унижаться приходится.

Рассказывает Токар:

– Говорят, что обычному человеку требуется семь-восемь часов сна. Но некоторые, хоть проспят восемь часов, все равно потом еще полдня зевают. А мне достаточно всего трех-четырех часов. Это нормально. Я читал, что и Петр Первый, и Гете, и Наполеон – тоже спали не больше четырех часов в сутки.

Вообще я из тех людей, кто старается каждую минуту использовать с пользой. По пути на работу, например, вместо того, чтобы таращиться на дорогу, можно заниматься каким-нибудь делом. Я сплю. Наполеон, между прочим, верхом на коне спал! Так почему бы мне не поспать в теплой кабине?

Начальник наш – Байрам Абдыевич – узнал об этом и любит теперь с намеком мне говорить, что «человеку без цели всегда спать хочется». Можно подумать, что у него какая-то великая цель! Об одном мечтает: проработать без происшествий еще полгода и с почетом уйти на пенсию. Вот какие думы ему сон отбивают и днем, и ночью! Все дрожит, как бы чего не случилось, как бы не опозориться.

Я удивляюсь тому, что за странная штука – счастье. Одним – постоянно везет, другим – голый номер. Вообще, счастье, по моему, глуповато, как красивая девушка. Не знает, кому в руки даваться. И чаще всего достается каким-то бестолковым тупицам. Им должности хорошие, а тот, кто этого места по-настоящему достоин, ходит весь мазутом перемазанный, да еще выговоры на него то и дело сыпятся. И всю жизнь им всякие тупицы помыкают.

Завидую тем, что родились в тридцатые. Когда в пятидесятые годы обнаружилась нехватка интеллигенции, их выдвигали на

большие должности, помогали, поддер-живали. Говорят, тогда самые большие начальники еженедельно, ну, в крайнем случае, раз в месяц интере-совались условиями их жизни и работы. Вот тогда такие тупицы, как Байрам Абдыевич, и выдвинулись, позанимали высокие должности. И попробуй их сегодня оттуда турнуть, мол, не занимай чужого места, отдай достойному! Говорят о перестройке и гласности, а так тебя турнут, что ввек не оправишься. Теперь начальник и не подумает твоим самочувствием интересоваться. Да он с нами, линейщиками, кто всю черновую работу делает, здороваается, можно сказать, из одолжения. Кивнет еле-еле. А зачем Байраму Абдыевичу о моем самочувствии справляться, если он меня опасается. Да, да! Боится за свое кресло. Ведь он же видит, чего я стою, и что сам он по уровню подготовки против меня – нуль. Когда я после техникума, с «красным» дипломом к нему пришел, он даже смотреть документы не стал: нет вакансий – и весь разговор! Если бы я был каким-нибудь несчастным троечником, вот тогда бы он мне место сразу нашел и помог бы, и поддерживал, зная, что боятся ему нечего. Спасибо Алты Ореевичу. Он папе пообещал: «Уйдет начальник в отпуск, приму!», и слово сдержал. Бехбит документацию так запутал – концов не найти. Когда Бехбита потом с должности снимали, так он еще радовался, что в тюрьму не угодил за растрату. Но Байрам Абдыевич все равно потом пенял Алты Ореевича, что тот без его ведома принял меня на работу. А со мной, вообще, почти год были натянутые отношения. Проверка за проверкой, проверка за проверкой...

Но я знаю секрет, как угодить людям. Простейшее дело. Когда станут поучать, надо молча слушать и кивать в знак согласия. Вот и все! Разумеется, слушать общеизвестные истины, разявив рот от удивления, занятие невеселое. Но что делать? Терпел и слушал, да еще благодарил за «очень уместные замечания», а иногда даже делал вид, что записываю его слова в блокнот. Вот так я его и одолел! С годами у таких тупиц, как Байрам Абдыевич, бдительность притупляется, и они начинают думать, что молодые сплошь болваны и тупицы. Правда, всегда поддакивать тоже небезопасно. Недавно один пьяный шофер сбил жену работника райУОСа1 и та умерла. Дорога там, возле шлюзов,

у съезда на «Социализм», нехорошая: крутой поворот и ухабы. Вот Байрам Абдыевич и постарался всю вину на меня спихнуть. Кричит: «Я тебе разве еще в прошлом месяце не говорил, чтобы отремонтировали этот участок! Чем ты занимаешься?!». Я ему спокойно объясняю: «Простите, Байрам Абдыевич, но мы разорваться не можем. Сейчас, вы сами прекрасно знаете, асфальтируем улицы в «Новой жизни». Как закончим, перейдем на дорогу в «Социализм», а это как раз и участок возле шлюза захватывает. Тогда обязательно все сделаем.»

– Пяти машин асфальтобетона достаточно, чтоб за полчаса все там исправить!

Начальник есть начальник! С ним спорить – себе дороже. Это все равно, что танцевать на краю пропасти – мигнуть не успеешь, как вниз свалишься! К тому же Байрам Абдыевич человек уже пожилой. А у нас, сами знаете, старшим перечить не принято, их почитать надо. Так что против старшего ты по рукам и ногам связан. Я спорить с ним не стал и на следующий же день быстренько залатал тот участок.

Правда, Алты Ореевич был недоволен:

– Ты чего это перед ним выслуживаешься?! Скажи – исправлю, а сам делай по-своему. Понял? А ты перед ним, как мальчишка... Сейчас не то время.

Раньше Алты Ореевич работал начальником ПМК. Да только нахимичил там так, что потом еле выкрутился. У него братья и родичи на высоких должностях, так что поддержка имеется...

Вообще, в жизни полно неписанных законов! Один из них, по моему, гласит: что, коль хочешь хорошо жить и спокойно работать, будь добр подладиться к начальству – войди в доверие, угождай, чем можешь, выполняй любой каприз. Тогда и тебе кое-

1 Районное управление оросительных систем.

что в этой жизни перепадет. Правда, некоторые, как только черпак окажется у них в руках, сразу пытаются побольше захватить. Это их ошибка. А еще, как я понял, нельзя быть запанибрата с людьми. Больше почитают тех, кого не знают. И наконец, – это, пожалуй, самое важное сейчас правило: надо

выступать на собраниях, чтобы тебя и уважали, и побаивались. Теперь такие времена, что если у тебя язык не подвешен, как следует, будь ты хоть семи пядей во лбу – ничего в жизни добиться не сможешь. Я, например, выступаю при всяком удобном случае. Жалуюсь на нехватку техники: мол, нет у нас автогудронатора и фрезера и поэтому слишком большой объем работ приходится выполнять вручную. Я знаю, что многие надо мной посмеиваются – откуда вдруг в нашем РСУ такая техника. Но после такой критики начальство уже не посмеет говорить, что я инициативный, бездеятельный, – что и требуется доказать.

А вот когда ты со всех сторон подстрахован, можно и о себе подумать. Сейчас каждый человек старается хоть какую-то выгоду от своей должности поиметь. Так что мы не исключение. Одному гравий потребовался, другой двор заасфальтировать решил... К кому они идут? Ко мне. Если сладится, то, как говорится, обе высокие договаривающиеся стороны остаются не с пустыми руками. Разумеется, делюсь с Алты Ореевичем. Ему половину, и мне половину...

– Если у тебя бочка с медом, – любит учить Алты Ореевич, – глупо облизывать палец. Из-за этого даже мараться не стоит. Ведрами черпать надо. Ты, Токар, – говорит он мне, – делай, что хочешь, но я должен быть в курсе. Тогда можешь быть уверен, что Старик (так он Байрама Абдыевича называет) к тебе не подкопается.

Вообще-то, откровенно говоря, если у тебя документация в ажуре, то никто к тебе не подкопается. Главное, чтобы на бумаге все сходилось. Именно поэтому наша контора такое денежное место. Ведь деньги, можно сказать, лежат у нас прямо под ногами. После того, как каток проехался, кто определит, сколько грунта переместили или какой толщины асфальтовое покрытие? А гравий – что, его кто на весах взвешивал? Только начальник наш делает вид, что он праведник. Алты Ореевич несколько раз его прощупывал, как говорится. Полный отказ и бурное возмущение!.. Но я все равно не верю, что он живет на одну зарплату. Вы бы глянули на его дом. Настоящий дворец. Машина. А какой он дома себе кабинет устроил: импортная мебель, все стены в книгах – одни собрания сочинений!

Я по глупости тоже стал книги дефицитные скупать. Сказать по правде, так до сих пор сердце ноет, как вспомню, сколько денег пришлось отвалить. По три-четыре номинала некоторые покупал. А что толку? Читать-то некогда! Целый день на работе – домой возвращаешься уже затемно. Поужинаешь, посмотришь кино по телевизору – уже одиннадцать, глаза слипаются. Жизнь такая, что даже в гости сходить некогда.

Вообще-то, кто сейчас по гостям ходит?.. Анахронизм. Я, например, поддерживаю близкие отношения только с двумя товарищами – имена называть воздержусь! – из Облмеж-колхоздорстроя. Дружим, так сказать, на семейном уровне. Они меня, между прочим, давно уже к себе работать зовут, но я, откровенно говоря, пока не тороплюсь. Сначала надо в партию вступить, поднакопить денег. Ведь если идти туда, то не рядовым же сотрудником. А хорошее место стоит теперь кучу денег. Так что приходится пока горбатиться в РСУ. Мне, конечно, надо было сразу в институт поступать, а не в техникум. Это – моя ошибка.

– Я тебя, братишка, не пойму, – говорит мне недавно Алты Ореевич, – Парень ты вроде не глупый, сообразительный, все тебе дороги открыты. Так чего ты свой шанс теряешь? Поступай скорей учиться. Если тебе так уж твоя нынешняя должность нравится, так она, между прочим, никуда от тебя не денется. Но старика нашего вот-вот проводят на пенсию. Кого поставят на его место? Меня? Меня не поставят, на мне, сам понимаешь, темное пятно. Кое-кто считает, что мне и этой должности много. Так что надо тебе, братишка, быстрее в институт и в партию вступать. Чем могу, готов помочь. А потом вместе поработаем. Алты Ореевич на сто процентов прав. И в институте у него связи есть. Подмазать, конечно, придется. Но, говорят, пяти тысяч вполне хватит, чтоб поступление гарантировать. Главное – поступить, а там – и глазом моргнуть не успеешь! – уже у тебя диплом в кармане. А с дипломом в РСУ не засижусь. Сначала можно в область, а там, глядишь, и в министерство. Только с красной книжечкой пока проблема. Уже два года здесь работаю, но о партии пока даже разговора со мной не было. Вот, что меня по-настоящему беспокоит. Без красной книжечки, хоть у тебя

десять дипломов будет, порядочной должности не получить. Но, как говорится, «сирота себе сам пуповину перерезает». Это в том смысле, что в настоящее время если сам о себе не побеспокоишься, то никто о тебе и не вспомнит. За хорошую работу теперь только почетные грамоты раздают!.. Да еще, если человек чего-нибудь стоит, так вокруг тьма завистников.

Попросил отца сходить к Байраму Абдыевичу, так, что вы думаете?..

— Давай, — говорит, — не будем, Непес, никого в партию по знакомству проталкивать. От самого человека должна его судьба зависеть, а не от отца с матерью, братьев и родственников.

Попробовал нашему парторгу, Ильджану Деркаровичу, намекнуть. Так он даже слушать не стал.

— А что ты такого сделал особенного, чтобы тебя в партию принимать?

Расстроился я тогда — жутко. Это, правда, полгода назад было. Теперь-то он мне так не скажет. Теперь у меня есть к нему «золотой ключик». И не только к нему... Этим ключиком, скажу я вам, в районе не одну дверь отпереть можно. Тойджан Деркарович, а он старший брат Ильджана Деркавича, до того, как в мою бригаду пришел, председателем райисполкома работал. Не повезло человеку. Сын его сбил кого-то. Смертельный исход, а за парнем и раньше кое-какие грехи были. Словом, пришлось Тойджану Деркаровичу написать заявление. Ему, конечно, другую должность предложили, директора педучилища. На полном серьезе. Я уже давно заметил, что как освободят руководящего работника за моральную неустойчивость или еще за что-нибудь вроде этого, так обязательно переводят на воспитательную работу. Но Тойджан Деркарович в отличие от многих отказался:

— С каким лицом, — говорит, — буду я других воспитывать. В бригаду нашу пришел. Поначалу я опасался. Честно сказать, взял его только потому, что с Ильджаном Деркаровичем отношения портить не хотел. Только потом понял, как мне повезло. Ильджан Деркарович при мне брата просил:

— Где хочешь работай, только не позорься на глазах у прохожих.

А Тойджан Деркарович отвечает:

– Пусть люди, когда мимо проходить будут, вспомнят о моей судьбе и задумаются, так ли они своих детей воспитывают. Буду я для них, как чарыки для Аяз-хана¹.

И ко мне два раза Тойджан Деркарович подходил.

– Я дорожник или нет?..Выдай, как положено, спецовку оранжевую.

Спецовка что, мне не жалко, их на складе полно, только выдать ее Тойджану Деркаровичу это, вроде, унижить его. Еще неизвестно, как на это Ильджан Деркарович посмотрит. А с другой стороны, кто его в этой спецовке узнает. Мало ли дорожников – даже внимания не обратят. А вот если среди дорожников будет один человек в костюме, да еще с поплавком на лацкане, тогда обязательно обратят внимание. Задумаются или нет – не знаю, а вот посмеются – это точно. Правда, Тойджана Деркаровича не всякому повезет с лопатой в руках увидеть. Очень больной человек. У него и сердце, и давление повышенное. С собой целую аптеку носит. Пять-шесть таблеток за раз глотает. Сейчас в больнице лежит. Я его, ясное дело, каждый день навещаю. В конце концов он мой рабочий, должен же руководитель интересоваться здоровьем подчиненных!

На днях в больнице с Ильджаном Деркаровичем встретился. Сидит рядом с братом, лицо озабоченное. Я между делом говорю ему, мол, многие мои сверстники уже в партию вступили. А я не хуже их: от работы этой проклятой тощим стал, как бродячая собака.

– Оставь этот разговор, – говорит вполголоса Ильджан Деркарович. Я даже пожалел, что этот разговор затеял. Но Тойджан Деркарович услышал.

– Чем ты занимаешься, если такие кадры не замечаешь. Надо помогать только тем, кто по-настоящему работать умеет. А наш Токар работающий, толковый парень.

Вчера в конторе Ильджана Деркаровича встретил. Обрадовался мне, как брату. Разговор, значит, на него подействовал. Ты зачем в контору приехал, – спрашивает, – если какие проблемы, заходи, не стесняйся. Нет, говорю, я в бухгалтерию.

¹ Сказочный персонаж, пастух, ставший падишахом. Перед своим престолом он повесил сыромятные чоботы чарыки, чтобы они

напоминали ему о том кем он был прежде.

Такой бухгалтерии, как у нас, наверное, больше нигде нет. Открываешь дверь, и твоя голова начинает кружиться от аромата дорогих духов, как будто ты случайно ошибся адресом и попал в райский сад. Ты уже мало что соображаешь, а тут вдобавок тебя пронзают взгляды пяти красавиц. Глаза их сияют. Увидишь – так не только колени дрогнут. Какие у них фигуры, как улыбаются! Казалось бы, таких красоток и пальцем не коснись, но – нет, все замужем.

По праздникам я всем им делаю подарки, ну, и на день рождения, разумеется, каждой персонально. Алты Ореевич их дни рождения лучше своего знает. А красавицы, понятно, мои подарки не забывают – в документах у меня полный ажур, не подкопаешься, никакая ревизия не страшна. Так что деньги, которые на подарки истрачены, не только окупаются, но еще и неплохую прибыль приносят.

С одной из этих гурий*, при том с самой прелестной, – имя называть воздержусь! – блаженствует Алты Ореевич. Он-то и не прячется особо. Со мной в шутку называет ее «тетей понарошку». Иногда прибежит: «Выручай, Токар-джан! Я сегодня домой не попал, задержался, понимаешь, с тетей понарошку... Словом, если тетка твоя звонить будет, – скажи, что я у тебя ночевал. Она тебе доверяет».

Вот чего я, действительно, понять не могу: одни люди хотят хорошее место получить, а не могут, зато другие, которым, кажется, все в жизни дано, из-за бабских прелестей в один миг своего кресла лишаются. Меня их глупость просто бесит! Или, бывает иногда, с приятелями сидишь, так разговор только о потаскухах разных. Тю-тю-тю, тю-тю-тю – слушать противно! Но, попробуй, скажи им: «Ребята, что вы делаете?!». Засмеют, скажут, дурак, не понимаешь, в чем прелесть жизни! Это еще неизвестно: кто понимает, а кто – нет. По мне, чем время на такую трепотню тратить, лучше хозяйством заняться, огородом, скотиной. У меня корова с теленком, три барашка – никакой любовницы не надо!

Вообще, все, что нормальному человеку требуется, у меня есть, все девять заповедей исполнены. Жена у меня покладистая, не

чета тем вертихвосткам, которые под лозунгом «Муж – моя собственность!» отца своих детей, как последнего раба, эксплуатируют. Тихая, спокойная, довольствуется тем, что есть. Имя называть – дурная примета! Одно скажу: деньгами в доме только я распоряжаюсь. Это – главное! Ведь, откровенно говоря, теперь многие мужья только вспоминают те времена, когда они в доме настоящими хозяевами были. Сами признаются, что деньги лишь в день получки в руках подержат, а домой придут и все до последней копейки вручат жене.

Дети тоже есть. Мальчики уже в школе учатся.

– Вы, – говорю я им, – головы себе историей и литературой, пением да рисованием не забивайте. Математика – вот во что вам вникать надо!..

Месяца два назад, когда девочка родилась, я, само собой, радостной вестью с Байрамом Абдыевичем поделился, настоял, чтобы он посетил мой дом. А когда пришли, говорю: «Уважаемый Байрам Абдыевич, окажите честь, дайте дочери имя!». Старик растрогался чуть ли не до слез. Обрадовался. По его желанию назвали дочку Ляле. С тех пор, как встречу его, говорю: «Навестили бы дочь Ляле!». Для него это, словно бальзам на сердце. Теперь, если сын родится, назову его Ильджаном. Пусть Ильджан Деркарович порадует!

А вообще-то хозяйство лениться не дает. Дела, как старушечье ворчание, никогда не кончаются. Если живешь в пригородном поселке и держишь скотину, то наипервейшая твоя забота – корма. Где их брать? Накосить негде. Прежде, говорят, милое дело, по берегам Амударьи непроходимые заросли были, зверье всякое водилось, травы – вдоволь, коси – не хочу. Теперь – ни тугаев, ни зверей диких, ни травы, все распахали и засеяли хлопчатником. А гербициды так сыпят, что все сорняки скоро в «Красной книге» окажутся.

Не знаю, как другие, но у меня и с кормами вопрос решен положительно. Неподалеку от поселка нашего колхозная ферма, так вот заведующий – имя называть воздержусь! – со мной в очень хороших отношениях. Избавил меня от половины забот. Если нужен комбикорм и сено, – только дай ему знать, на следующий день привезут да еще сами выгрузят. Само собой, такие услуги

за спасибо не делаются. Но для пользы дела надо уметь немножко кулак разжимать. Улицу заасфальтировал, на которой зав. фермой живет. Да по-дружески самый лучший гравий выделил. Не гранит, а известняк. Прошло пару дождей, деготь смыло, так теперь покрытие белым стало, прямо-таки светится. Ну, и само собой, двор заведующему заасфальтировал, дорожки: и вокруг мелека, и к туалету... Разумеется, тоже не за спасибо. Это называется «удружить соседу». Вот такая дружба теперь ценится. И не слушайте, что Шаназар-ага болтает. Устарели его понятия. Чего, спрашивается, водиться мне с людьми, от которых никакой пользы нет. С ними пускай Шаназар-ага знаетса!

Я для людей тоже немало делаю. Дороги строю – из города в село, из села в город, а уж кто по этим дорогам ездит, куда и зачем, по делам или в гости – это, извините, меня не касается. Сам я, честно сказать, по этим дорогам в гости бы ехать не хотел. Между нами говоря, ни одной порядочной дороги в округе нет.

Все от нас, дорожников, зависит. Люди думают, главное – асфальт. А главное, как раз то, что под ним. Все от качества полотна зависит, в первую очередь, от гравийного слоя. Ни пустот, ни рыхлостей в нем быть не должно. Но соблюдается это редко. Делают все тяп-ляп, торопятся. Приятно смотреть, как дорога вдаль тянется, вот и подгоняешь. Из-за этого и в районе, и в области ни одной дороги, чтоб ГОСТу 9128-59 соответствовала, нет! Разве наши дороги можно по третьей категории принимать?! Будь моя воля, все дороги в области, что образцовыми считаются, в четвертую категорию перевел!

Все, Токар-джан, хватит, не нервничай, не распаляй себя зря. Все равно пустой болтовней ничего не изменишь! Раскисать нельзя.

Работай! Борись!

Powestler